

5. Шебзухова, Т. А. Формальные модели, как инструментальное средство в политологических исследованиях / Т. А. Шебзухова, А. А. Вартумян, И. С. Клименко // Современная наука и инновации. – 2019. – № 2 (26). – С. 283–292.
6. Ширяев, В. И. Исследование операций и численные методы оптимизации / В. И. Ширяев. – Москва : Ленанд, 2017. – 224 с.
7. Ибрагимов, Н. Х. Практический курс дифференциальных уравнений и математического моделирования. Классические и новые методы. Нелинейные математические модели. Симметрия и принципы инвариантности / Н. Х. Ибрагимов. – Москва : Физматлит, 2012. – 332 с.

References

1. Iston, D. Kategorii sistemnogo analiza politiki [Categories of system analysis of politics]. *Vasilik, M. A., Ver-shinin, M. S. Politologiya* [Political science]. Moscow, 2000, pp. 319–331.
2. Venttsel, E. S. *Issledovanie operatsiy: zadachi, printsipy, metodologiya* [Research of operations: tasks, principles, methodology]. Moscow, KnoRus Publ., 2013, 192 p.
3. Ilin, M. V. *Politologiya pered vyzovami XXI veka* [Political science before the challenges of the XXI century]. *Vtoroy Vserossiyskiy kongress politologov "Rossiya. Politicheskie vyzovy XXI veka"* [The Second All-Russian Congress of Political Scientists of Russia. Political Challenges of the XXI Century]. Moscow, 2002.
4. Smirnov, M. M. *Sovremennoe sistemnoe politicheskoe modelirovanie: teoriya i praktika* [Modern systemic political modeling: theory and practice]. Moscow, National Institute of Business Publ., 2010, 262 p.
5. Shebzukhova, T. A., Vartumyan, A. A., Klimenko, I. S. Formalnye modeli kak instrumentalnoe sredstvo v politologicheskikh issledovaniyakh [Formal models as a tool in political science research]. *Sovremennaya nauka i innovatsii* [Modern science and innovations], 2019, no. 2 (26), pp. 283–292.
6. Shiryayev, V. I. *Issledovanie operatsiy i chislennyye metody optimizatsii* [Operations research and numerical optimization methods]. Moscow, Lenand Publ., 2017, 224 p.
7. Ibragimov, N. Kh. *Prakticheskiy kurs differentsialnykh uravneniy i matematicheskogo modelirovaniya. Klassicheskiye i novyye metody. Nelineynyye matematicheskiye modeli. Simmetriya i printsipy invariantnosti* [Practical course of differential equations and mathematical modeling. Classic and new methods. Nonlinear mathematical models. Symmetry and principles of invariance]. Moscow, Fizmatlit Publ., 2012, 332 p.

DOI 10.21672/1818-510X-2020-64-3-061-065

САМОУБИЙСТВО КАК РАДИКАЛЬНЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОТЕСТ

Бочарникова Ирина Станиславовна, кандидат социологических наук, доцент
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: omcnk@list.ru

Машковская Александра Юрьевна, бакалавр
Астраханский государственный университет
Российская Федерация, 414056, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а
E-mail: sir-dannie@hotmail.com

Начиная с 1950-х гг. на США и Европу обрушился взрыв протестов и демонстраций против правительства, государственной политики и существующих на тот момент социальных практик. Только в США в тот момент зарождается ряд движений за гражданские права, против войны во Вьетнаме, феминистское и «зелёное» или экологическое движения и т. д. Появление общественных движений и политических протестов вызвало новую волну немалого интереса исследователей к теме протестного поведения. Социологи пытались разработать теории для понимания происхождения протестных движений в целях предсказать их дальнейший ход. Например, концепция коллективного поведения (Г. Лебон, Ф. Олпорт, Р. Тёрнер, Л. Киллиан, Н. Смелзер), объясняющая аспекты коллективного поведения, теория мобилизации ресурсов (Дж. Маккарти, М. Зальд, Д. Макадам, А. Обершол), где подчёркивалась важность наличия подходящих ресурсов для зарождения общественного движения, а также концепция относительной депривации (С. Стауффер, М. Мёртон, В. Руинсман). Теоретические разработки зарубежных социологов стали исследовательской базой для отечественных учёных, которые на первом этапе рассматривали протестные движения США (К. Г. Мяло, В. В. Большаков, Э. Я. Баталов), а на втором перешли к протестам в России (Ю. А. Левада, А. В. Кинсбургский, В. В. Сафронов и др.). Следует отметить, что политический протест способен принимать различные формы, которые отличаются по характеру действий: ненасильственные (общественные петиции, экономический бойкот, газетные и журнальные статьи, сидячие забастовки и мирные демонстрации) и насильственные, которые способны выливаться в уничтожение имущества и общественных объектов, нанесение телесных повреждений политическим противникам, вступление в конфликт с силами полиции и акты терроризма, в том числе и самоубийства. Например широкое освещение самосожжения буддийских монахов в западных СМИ середины XX в. утвердило эту практику как тип политического протеста в западном сознании.

Ключевые слова: протестные движения, концепции коллективного поведения, самоубийство как политический протест, контент-анализ, предсмертные обращения (письма, лозунги, плакаты и записки).

SUICIDE AS A RADICAL POLITICAL PROTEST

Bocharnikova Irina S., Ph. D. (Sociology), Associate Professor
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: omcnk@list.ru

Mashkovskaia Aleksandra Yu., bachelor
Astrakhan State University
20a Tatischeva St., Astrakhan, 414056, Russian Federation
E-mail: sir-dannie@hotmail.com

Since 1950s, the USA and Europe have been hit by a flash of protests and demonstrations against the government, state policy and social practices existing yet. At that moment several civil-rights, feminist and green or ecology movements and movements against the Vietnam War and so on were originating in the USA alone. Social movements and political protests set off a new wave of great research interest in protest behavior topic. Sociologists tried to develop theories to understand the origin of protest movements to predict their future. For example, the concept of collective behavior (G. LeBon, F. Allport, R. Turner, L. Killian, N. Smelser) explaining the aspects of collective behavior, the resource mobilization theory (J. McCarthy, M. Zald, D. McAdam, A. Oberschall), revealing the importance of having appropriate resources for the emergence of a social movement, as well as the concept of relative deprivation (S. Stouffer, M. Merton, V. Ruinsiman). Theoretical insights of foreign sociologists have become a research base for domestic scientists who considered protest movements in the USA at the first stage (K. G. Myalo, V. V. Bolshakov, E. Ya. Batalov), and started to consider the protests in Russia at the second stage (Yu. A. Levada, A. V. Kinsburkiy, V. V. Saffronov and others). It should be noted that political protest is formable, and its forms differ in the manner: non-violent (public petitions, economic boycott, newspaper and magazine articles, sit-ins and peaceful demonstrations) and violent, which can spiral into property and public facilities destruction, physical abuse to political opponents, stepping into conflict with police and acts of terrorism, including suicide. For example, the heavy coverage of the self-immolation of Buddhist monks in the Western news outlets in the mid-twentieth century has confirmed this practice as a type of political protest in the mindset of Western societies.

Keywords: protest movements, concepts of collective behavior, suicide as a political protest, content analysis, suicide appeals (letters, slogans, posters and notes)

Политический протест относится к числу методов, используемых отдельными лицами и группами индивидов в рамках политической системы для выражения своего недовольства существующим положением вещей. Хотя протест может быть зарегистрирован посредством голосования, написания писем, участия в предвыборной кампании, участия в группах интересов и политических партиях и других традиционных средств, термин чаще всего относится к тем видам массовой политической активности, которые происходят вне обычных парламентских каналов, таких как демонстрации и марши, трудовые остановки, бойкоты и другие методы, сочетающие в себе коммуникацию и убеждение, прямое действие и отказ от сотрудничества с политическими, экономическими и социальными институтами.

Ещё шестьдесят лет назад протест в социологии было принято рассматривать как нелегитимное недемократическое вторжение в политику. Вслед за движениями 1960-х гг. его стали рассматривать как значимое дополнение к демократическим процессам и важный фактор перехода от авторитарных режимов к демократическим. Изучение протестных и социальных движений выросло из маргинальной и почти умирающей узкой направленности социальной психологии 1960-х гг. в большую область исследования политической социологии, социологии культуры и организационной социологии. Протест стал рассматриваться как ведение «политики иными средствами».

В настоящее время в европейском и американском социологическом дискурсе можно выделить несколько основных теоретических моделей, по которым описываются общественные движения, социальные и политические протесты. Наиболее распространённой из них является концепция коллективного поведения. В рамках данной концепции представляется возможным выделить следующие теории: теория толпы (или теория заражения), создателем которой является французский философ Г. Лебон [1], теория конвергенции толпы, описанная Ф. Олпортом [2], теория возникающих норм, авторами которой являются Р. Тёрнер и Л. Киллиан [3], а также теория прирастающей ценности, описанная американским социологом Н. Смелзером [4], и др.

Представленные выше теории рассматривают разные аспекты коллективного поведения, потому скорее дополняют друг друга, предоставляя иную оптику анализа. Теории, опирающиеся на иррациональные факторы, тесно связанные с психологией, способны объяснять причины массовых самоубийств. Тем временем теории, изучающие данный вопрос при помощи анализа рациональных социальных факторов, рассматривают то, как возможно появление беспорядков из ситуации общественного напряжения [5].

Американскими и европейскими социологами используется теория мобилизации ресурсов для рассмотрения общественных протестов. Эта теория – одно из направлений социологии общественных движений, зародившееся в 1970-е гг. в США на фоне появления обширных протестов, связанных с внешней политикой страны и социальным напряжением внутри неё [6]. Представителями данной теории являются Дж. Маккарти, М. Зальда, Д. Макадама [7] и А. Обершола [8]. Именно они выделяли значимость наличия подходящих ресурсов для образования общественного движения. Согласно теории общественных протестов, отдельных индивидов объединяет наличие единого недовольства, способствующего мобилизации ресурсов и совершения политических действий, устраняющих предмет недовольства [9]. В контексте данной теории под «ресурсами» понимаются материальные и трудовые ресурсы, социальный и интеллектуальный капитал, общественное внимание и т. д.

Если рассматривать самоубийство в этом русле, то оно выделяется в особую форму политического протеста, которая характеризуется преднамеренным нарушением закона с явной целью исправления воспринимаемой индивидом несправедливостью.

Компаративный метод исследования актов самоубийства позволяет рассматривать это явление как радикальное политическое послание посредством посмертных записок, писем, видеобращений и лозунгов протестующих. Яркий пример тому – самосожжение буддистских монахов в середине XX в., которое привело к многочисленным подобным актам самоубийства, большинство из которых произошло в Азии и США на фоне войн, вторжений и политических репрессий. Исследователи насчитали более сотни случаев самосожжения, о которых упоминалось в газетах *The New York Times* и *The Times* [10].

В 1968-м г. эта практика распространилась и на Варшавский блок. Первые случаи самосожжения – это выступления польского бухгалтера и ветерана армии Р. Сивеца, а также нескольких чешских студентов – Я. Палаха и Я. Зайица [11] – в знак протеста против оккупации Чехословакии войсками СССР. Впоследствии знак протеста против советской власти в Литве покончил жизнь самосожжением Р. Каланта, которому на тот момент было девятнадцать лет. В 1978 г. украинский диссидент и бывший политзаключённый А. Гриньк совершил акт самосожжения возле могилы украинского поэта Т. Шевченко в знак протеста русификации Украины при советской власти. Эти и многие другие события подобного толка оказали влияние не только на общество того времени, но также и на политическую среду стран. Некоторые протестующие оставили предсмертные записки, с помощью которых можно оценить импульсивность их действий, рассмотреть призывы или послания общественности и действующей власти и др.

Был проведён контент-анализ 20 предсмертных обращений (писем, лозунгов, плакатов и записок) людей, окончивших жизнь самоубийством в знак протеста. При этом следует отметить, что из анализа были исключены самоубийства с целью убийства третьих лиц (стрельба в школе, террористические акты и др.), позволяет выявить степень влияния их поступка на общественное мнение, на политическую жизнь и политическую культуру страны, на самосознание индивида. Следует отметить, что гендерный признак существенен, так как предыдущие исследования западных учёных [12] не показали заметных различий по данному критерию. Вместе с тем, исходя из содержания обращений, было выделено 11 блоков и 40 элементов для анализа.

Способом большинства актов протестных самоубийств (90 %) было самосожжение. Причиной тому может служить то, что подобный способ суицида является резонансным, шокирующим и способен привлечь наибольшее внимание к протесту. Кроме того, предшествующие события XX в., как уже было ранее отмечено, показали действенность самосожжения для привлечения внимания.

Преобладающая возрастная категория (45 %) совершивших акты самоубийств – молодые люди в возрасте от 18 до 30 лет. В неё вошли Я. Палах, Б. Нахазелова, Я. Зайиц, Ш. Бауэр, Б. Майрок, К. Георгакис, Дж. Винн, Р. Каланта, М. Буазизи. Чуть больше половины из перечисленных (55,6 %) убили себя в знак протеста, вдохновившись поступком другого либо по групповой договорённости. Примером последнего могут служить отрывки писем Я. Палаха, Б. Нахазеловой. В своём обращении к обществу и властям Я. Палах отмечал: «Наша группа образована из добровольцев, готовых сжечь себя ради общих требований ... и, если наш народ не окажет достаточной поддержки этим требованиям в виде генеральной и бессрочной забастовки, загорится ещё один факел». Впоследствии Б. Нахазелова, прощаясь со своей семьёй, пишет: «У меня не было такой безумной отваги, как у Яна Палаха. Поэтому я умираю таким образом...». Групповую договорённость можно наблюдать и в случае с буддистскими монахами, чья смерть оказала несомненное воздействие на общественное сознание. В этой связи групповые протестные самоубийства, не обязательно происходящие как единый акт в один назначенный день, можно рассматривать как своего рода попытку не только изменения в общественном курсе, но также и давление на политический режим.

Вместе с тем, 60 % совершили акт самоубийства в знак протеста без оглядки на предыдущий опыт подобных актов (т. е. их жертва была единичным актом, не вызванным цепной реакцией).

Во вторую возрастную группу (45–60 лет) вошли уже зрелые, состоявшиеся люди, имеющие жизненный опыт и определённые политические взгляды (30 %): Ш. Зигельбойм, Р. Сивец, О. Брюзевиц, Х. Грюндлер и П. Щенсны. Эта группа примечательна тем, что все перечисленные лица совершили акт самоубийства без чьего-либо влияния (примера) со стороны.

Немаловажным блоком в исследовании является «письменное обращение». Лишь половина из отобранных акторов – ровно 50% – оставили письмо с обращением к общественности, 40 % написали предсмертные письма родственникам, 10 % оставили рядом с местом собственного самоубийства листовки, отражавшие причины их действий и 20 % не оставили никаких письменных документов. 30 % перед актом самоубийства выкрикивали лозунги, 25 % держали транспаранты или плакаты (например, О. Брюзевиц, не оставивший никакого письма, заявил о своём протесте транспарантом с надписью «Радиограмма всем, радиограмма всем, церковь в ГДР обвиняет коммунизм в подавлении детей и подростков в школах»). Примечательно то, у всех акторов, не оставивших никаких писем, либо имелись при себе плакаты с текстом протеста, либо они выкрикивали какие-либо лозунги или броские фразы для привлечения внимания окружающих.

Количество слов в предсмертных записках и длина фраз также имеют большое значение: как правило, это короткое, но ёмкое по смыслу послание. В истории суицидологии известны и длинные послания, например первая предсмертная записка, хранящаяся в Берлинском музее, была написана на папирусе в стихотворной форме. Протестные посмертные послания – это лаконичное обращение к обществу, некий манифест, призыв к действию. 55 % посланий содержали всего 100 и менее слов (четверть листа). Насколько продуманы и выверены должны быть эти записки.

Меньшая часть из тех, кто оставил какие-либо обращения, написали два и более письма (25 %), в большинстве из этих случаев первые письма служили обращением к общественности, обществу, а вторые – к близким.

Блок «возложение вины», посвящённый выявлению объекта, против которой был направлен протест, показывает, что 65 % акторов протестного самоубийства были недовольны правительством страны, в котором они проживали. Примером в данном случае может служить смерть американского квакера Н. Моррисона, поджёгшего себя перед зданием Пентагона в знак протеста против войны во Вьетнаме. 40 % из общего числа были недовольны другими государствами и 20 % самим политическим режимом.

Сомнения и сожаления в своих письмах выразили только 5 % акторов. Примечательным в данном случае является предсмертное письмо Б. Нахазеловой, которая, обращаясь к близким родственникам, писала: «Поверьте, то, что я сделала, я сделала не по убеждению, меня к этому принудили». Несмотря на это, как отмечается в следственных документах, Б. Нахазелова, как и Я. Палах, тщательно готовилась к собственному самоубийству и писала письмо заранее, что подчёркивает отсутствие импульсивности её поступка [13].

Также следует отметить, что на перемены курса в общественном мнении влияют не столько сами акты самоубийств, сколько последовательность действий представителей государства, и поскольку самоубийство – радикальная форма политического протеста, то оно способно обратить внимание общественности к предмету протеста, а также изменить её убеждения.

Эффект, который создаётся суицидальным актом, потенциально несёт в себе большую силу, чем любой другой индивидуальный вклад в какое-либо общественное движение. Конечные последствия самоубийства зависят от конкретного контекста, поскольку эта жертва нередко может являться одним из элементов устойчивого взаимодействия между протестующими и того, против чего они протестуют.

В зависимости от ситуации, протестный потенциал общества может либо расти, либо падать. Примером тому могут служить два исторических случая: самосожжение буддистов в Южном Вьетнаме в 1963-м г. и самосожжение последователей Фалуньгун в Китае в 2001-м г.: первый инцидент способствовал изменению политического климата в обществе и свержению действующего президента, а второй обернулся провалом из-за предпринятых китайской властью действий.

В заключении можно сделать следующие выводы: в современной научной литературе нет однозначного толкования понятия «политический протест». Исходя из целей исследований, разными учёными даются разные трактовки и определения. Сам термин «протест» нередко определяется как форма индивидуальных и коллективных действий, направленных на воздействие на культурные, политические и социальные процессы, которые, как следствие, бросают вызов статус-кво или решениям, воспринимаемым как несправедливые.

Исходя из практик, политические протесты могут делиться на насильственные и ненасильственные формы. К последнему относят петиции, газетные статьи, сидячие забастовки и мирные демонстрации. Насильственные формы политического протеста нередко выливаются в уничтожение имущества, нанесение телесных повреждений и акты терроризма.

Одной из крайних форм политического протеста также выделяют самоубийство, зачастую выражающееся в публичных самосожжениях. Поскольку самоубийство – радикальная форма политического протеста, оно способно привлечь внимание общественности к предмету протеста, а также изменить её убеждения.

Список литературы

1. Афанасьев, А. Г. Суицид как форма протеста: из истории реакции чехословацкого общества на ввод войск в Прагу в 1968 году / Г. А. Афанасьев // *Локус: люди, общество, культуры, смысла.* – 2011. – С. 65–75.
2. Габа, О. И. Основные подходы к изучению протестного настроения / О. И. Габа // *Знание, понимание, умение.* – 2015. – № 1. – С. 69–74.
3. Дементьева, И. Н. Изучение протестной активности населения в зарубежной и отечественной науке / И. Н. Дементьева // *Проблемы развития территории.* – 2013. – № 4. – С. 83–93.
4. Лебон, Г. Психология народов и масс / Г. Лебон. – Санкт-Петербург : Макет, 1995. – 316 с.
5. Allport, G. *The Person in Psychology* / G. Allport. – B. : Beacon Press, 1968. – 440 p.
6. Ben Park, B. C. Protest suicide among Korean students and laborers: a study of suicide notes / B. C. Ben Park, D. Lester // *Psychological Reports.* – 2009. – № 3. – P. 917–920.
7. McAdam, D. *Social movements. Handbook of sociology* / D. McAdam, J. D. McCarthy, M. Zald. – CA : Sage Publ., 1988. – 739 p.
8. Oberschall, A. *Social Conflict and Social Movements* / A. Oberschall // Prentice Hall. – 1973. – P. 371. – Режим доступа: <https://academic.oup.com/sf/articleabstract/52/4/578/2230172?redirectedFrom=fulltext>, свободный. – Загавие с экрана. – Яз. англ. (Дата обращения: 10.06.2020).
9. Pridmore, S. Protest suicide / S. Pridmore, G. Walter // *Australas Psychiatry.* – 2012. – № 2. – P. 533–534.
10. Smelser, N. *Theory of Collective Behavior* / N. Smelser. – New York : The Free Press of Glencoe, 1963. – 436 p.
11. Turner, R. *Collective Behavior* / R. Turner, L. Killian. – New Jersey : Prentice-Hall, 1957. – P. 451.

References

1. Afanasev, A. G. *Suitsid kak forma protesta: iz istorii reaktzii chekhoslovatskogo obshchestva na vvod voisk v Pragu v 1968 godu* [Suicide as a form of protest: from the history of the reaction of Czechoslovak society to the introduction of troops into Prague in 1968]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kulturny smysla* [Locus: people, society, cultures of meaning], 2011, pp. 65–75.
2. Gaba, O. I. *Osnovnyye podkhody k izucheniyu protestnogo nastroyeniya* [Basic approaches to studying protest mood]. *Znanie, ponimanie, umenie* [Knowledge, understanding, skill], 2015, no. 1, pp. 69–74.
3. Dementeva, I. N. *Izucheniye protestnoy aktivnosti naseleniya v zarubezhnoy i otechestvennoy nauke* [Study of the protest activity of the population in foreign and domestic science]. *Problemy razvitiya territorii* [Territory development problems], 2013, no. 4, pp. 83–93.
4. Lebon, G. *Psikhologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples и The Crowd: A Study of the Popular Mind]. St. Petersburg, Maket Publ., 1995, 316 p.
5. Allport, G. *The Person in Psychology*. B., Beacon Press, 1968, 440 p.
6. Ben Park, B. C., Lester, D. *Protest suicide among Korean students and laborers: a study of suicide notes*. *Psychological Reports*, 2009, no. 3, pp. 917–920.
7. McAdam, D., McCarthy, J. D., Zald, M. *Social movements. Handbook of sociology*. CA, Sage Publ., 1988, 739 p.
8. Oberschall, A. *Social Conflict and Social Movements*. Prentice Hall, 1973, p. 371. Available at: <https://academic.oup.com/sf/articleabstract/52/4/578/2230172?redirectedFrom=fulltext> (Accessed: 10.06.2020).
9. Pridmore, S., Walter, G. *Protest suicide*. *Australas Psychiatry*, 2012, no. 2, pp. 533–534.
10. Smelser, N. *Theory of Collective Behavior*. New York, The Free Press of Glencoe Publ., 1963, 436 p.
11. Turner, R., Killian, L. *Collective Behavior*. New Jersey, Prentice-Hall Publ., 1957, p. 451.